

Эта фреска, точнее, асекко – живопись по сухой штукатурке, более полувека таилась под обоями в квартире по адресу: Садовая 107, кв. 19.

Там в 1950-е годы жил поэт с редким именем Роальд и слишком известной фамилией Мандельштам. Так что часто приходится уточнять, о каком из Мандельштамов идет речь.

Роальд Мандельштам был молод (умер в 28 лет), нищ, истощен, передвигался на костылях. Болен астмой с 4-х лет, к чему прибавился легочный и костный туберкулез.

Читатель его стихов о болезни не догадается: мощный ритм, исполинские образы, чрезвычайно интенсивное чувство жизни. Громадное мужество: он сумел противостоять постоянной тяжелой болезни и эпохе, в которой такой поэт был невозможен.

Сегодняшнему читателю трудно понять, почему его стихи не могли быть напечатаны. Покажется, что в них нет ничего «антисоветского». Но и ничего «общественно значимого», признаков того, что они написаны в стране пролетарской диктатуры. Непростительная свобода от всего, что требовало время. «Я здесь стою. Я не могу иначе... Я помню все. Я знаю все. Я все умею, Чтоб гнуть свое, Смертельный страх боря».

Его герои – ветер, луна, облака, тени, коты, трамваи, «каменный город-флаконт». И древние воины. И сам он в стихах часто в образе воина. «Но приму я перчатку железную И надену свой черный доспех». «Доспехи на впалой груди Я снова готовлю для битвы». «Когда в бою покинут силы (Ведь может быть, случится так!), Ты в знак того, что сердцу мило, – Умри не так, как хочет враг. Но в память тех, что пали прежде, Чьим взорам больше не цвести, – Погибни так, чтоб жить надежде – За эту гибель отомстить».

Вернемся к комнате на Садовой. Своя жилплощадь у молодого человека – для 1950-х годов редкость. Нищета и болезнь не препятствие для того, чтобы быть центром притяжения. У него что называется «не закрывалась дверь».

На стенах висели картины. Комнату 15-ти метров в коммуналке, рассказал друживший с ним композитор Исаак Шварц, называли «салонотверженных».

Среди приходивших сюда почти не было литераторов. Ближний круг составляли художники – тоже не имеющие профессионального статуса, тоже нищие, тоже не прирученные государством.

Приходили Александр Арефьев, Рихард Васми, Шолом Шварц, Валентин Громов, Родион Гудзенко – это им он читал стихи ночи напролет. Их имел в виду, когда в его стихах «я» сменялось на «мы». «Кто мы? – камнем одетые птицы? Хладнокровные рыбы глубин». «Не раздуть в гремучий пламень Угли тающей зари! Мы живем, вгрызаясь в камень, Извиваясь как угри».

Соседство с живописью проступает в его стихах: «Под небом ржавой умбры В серебряных лучах коричневеют крыши».

В стихах поэта и в живописи его друзей есть прямые переключки. Частым образам Эллады в стихах Мандельштама соответствует «Античная серия» Арефьева. Об Арефьеве вспоминаешь, читая: «Я зритель ночных беззаконий». Или: «Когда на улицах кошмары режут как бешеный осел».

Но «ближе всех ему был Шварц», – говорил Васми. Близок, наверное, той же необычайной интенсивностью проживания жизни, раскаленностью чувств. «Косматое солнце по венам плывет!» – это строка из стихотворения, обращенного к Шварцу. Шварц близок и самой поэтикой, выразительными средствами: своими ритмами, рефренами, метафоричностью. Близок острой выразительностью и чувством острой прелести мира. Близок способностью отрешаться от времени – чувствовать сквозь толщу веков: его портреты вызывают в памяти фаюмский портрет. Трамвай, появляющийся во множестве стихов Мандельштама, можно найти у всех художников этой группы, но больше всего трамваев в живописи и графике Шварца. Там «рельсы словно струны – без конца». «В трамваи нельзя не садиться, а сев, не сидеть до кольца». Это манера Шварца – кататься, без цели куда-то приехать, в трамвае, глядя в окно. Из чего он извлекал больше впечатлений, чем иные из кругосветных путешествий.

И у поэта, и у художника в графике находим мотив рыцарского поединка. Война современная, пережитая у Мандельштама упоминается лишь в одном стихотворении о детстве. А войны былого, средневековое и древнее оружие – сквозной мотив. Кроме стихов, посвященных битвам, турниру, бой и боевое снаряжение – постоянная метафора: «Лунный прикован щит». «В морозные латы закована ночь». «Копья

рук». «Тысячи копий осветят утро, Медной кольчугой судьбу связав». Такие примеры можно множить без конца.

Шварц расписал стену «салона отверженных». Он изобразил лучников. Возможно, его вдохновила строчка «Как трепещут упругие луки! Стрелы, чуткие, рвутся в зенит». Или другая: «Тугой изгиб фраортских луков». «Фраортские луки, по – видимому, надо понимать как мятежные. Мидийский царь Фраорт глава восстания против Ассирии», – пишет Борис Рогинский.

Для Шварца луки – предлог ввести характерную для него неразвеществляющую геометрию, подчеркивающую геометрию реальности. Геометрия у него становится средством выразительности, обостряет восприятие. Черты лиц лучников лишь помечены прямыми. Схематичные, хилые тела – вся сила в лицах и в оружии. Схематична одежда, она не укореняет происходящее в конкретном времени. Характерный для Шварца повтор одинаковых фигур усиливает знаковость изображения. Это не конкретная сцена, это обозначение вечно длящейся битвы.

Надпись на латыни: *Vae victis!* – Горе побежденным!

Битва за свой талант и человеческое достоинство, которую вели поэт и художники, ими выиграна.